

С.А. КНЯЗЬКОВ

**Очерки из истории до-
Петровской Руси**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.А. Князьков**
Очерки из истории до-Петровской Руси / С.А. Князьков – М.: Книга по Тре-
бованию, 2022. – 646 с.

ISBN 978-5-518-01688-0

ISBN 978-5-518-01688-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

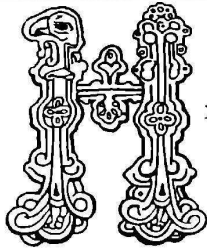
	<i>Стр.</i>
Предки русскаго народа	1
Торговля въ странѣ восточныхъ славянъ	36
Заряги и первые князья русскіе.	50
Начало христіанства на Руси	69
Князь и вѣче	98
Законъ и судъ во времена Русской Правды	114
Киевскіе князья	180
Удѣльныя княжества сѣверо-восточной Руси	197
Татарское иго	163
Господинъ Великій Новгородъ	217
Великій Государь Царь и Самодержецъ всея Руси	242
Святѣйшій патріархъ московскій и всея Руси	305
Боярская Дума	330
Земскіе соборы Московскаго государства	358
Государевы служилые люди	389
На сторожевой границѣ Московскаго государства	415
Стрѣльцы	434
Крестьяне въ Московскомъ государствѣ	452
Города Московскаго государства	471
Воеводское управленіе въ Россіи XVII вѣка	495
Дьяки и подьячіе Московскаго государства	506
Судъ въ Московскомъ государствѣ	527
Монастыри въ Московскомъ государствѣ	547
Домашній бытъ русскихъ людей XVI и XVII вѣковъ	579
Школа и школьное обученіе въ древней Руси	607
Большая дорога въ древней Руси	621

Для подбора иллюстраціоннаго матеріала послужили:

Фотографіи съ памятниковъ; старинныя гравюры; гр. *И. Толстой* и *Н. Кондаковъ*, Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. 1—6; *М. Погодина*, Атласъ исторической, географической, археологической, съ объясненіемъ; *Его-же*, Русскій историческій альбомъ; *П. Ивановъ*, Сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей; Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, ч. 1—5; Радзивилловская лѣтопись, изд. Общ. Любит. Древн. Письменности; Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, изд. Государств. типографіи; *А. В. Висковатовъ*, Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, т. I; *Ф. Г. Солнцева*, Древности Россійскаго государства; *В. Прохорова*, Матеріалы для исторіи русскихъ одеждъ; *Его-же*, Христіанскія древности; *С. Стрекалова* и *Н. Костомарова*, Русскія историческія одежды отъ X до XIII вѣка; *А. И. Успенскій*, Очерки по исторіи русскаго искусства; *И. Снегиревъ*, Памятники московской древности; *И. Снегиревъ* и *А. Мартыновъ*, Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества; *А. Мартыновъ*, Русскія достопамятности; *П. Савваитовъ*, Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора; *А. Савельева*, Матеріалы къ исторіи инженернаго искусства въ Россіи; Сборникъ чертежей Москвы, ея окрестностей и города Пскова въ XVII в.; *И. С. Бяляевъ*, Практической курсъ изученія древней русской скорописи; *Герберштейнъ*, Записки о московскихъ дѣлахъ; *Олеарій*, Описаніе путешествія въ Московію; *Мейерберга*, Альбомъ рисунковъ къ путешествію въ Московію; *И. Грабарь*, Исторія русскаго искусства; *А. Новицкій*, Исторія русскаго искусства; и др. изданія, сборники снимковъ и альбомы.

Опечатки:

Стр.	Строка	1 сн.	Напечатано:	Слѣдуетъ:	
31.	"	1 сн.	саянъ,	славянъ,	
"	39.	"	7 св.	съ свою	въ свою
"	52.	"	24 сн.	играбежомъ	и грабежомъ
"	53.	"	7 сп.	посуху	по суху
"	79.	"	9 сн.	славились	славилась
"	104.	"	8 св.	назавтра	на завтра
"	116.	"	2 сн.	напримѣръ.	напримѣръ,
"	130.	"	9 св.	въ вами;	съ вамп:
"	162.	"	25 св.	А. Е. Прѣсняговъ	А. Е. Прѣсняковъ
"	263.	"	2 св.	оревосходнаго	превосходнаго
"	282.	"	13 сн.	мѣстѣхъ,	мѣстахъ,
"	359.	"	9 сн.	игумены.	игумены,
"	492.	"	14 св.	1644 г.	1654 г.
"	532.	"	9 св.	назначать новые	постановлять новые
"	575.	"	20 св.	другимъ	людямъ
"	617.	"	4 сн.	многочисленны	многолюдны
"	621.	"	1 сн.	убъ страны.	въ глубь страны.
"	622.	"	23 сн.	вглубь	въ глубь
"	624.	"	8 сн.	были	была

и лѣтописи наши ни устныя преданія не помнятъ, когда и откуда появились въ Европѣ предки русскаго народа—славяне. Древнему міру они были извѣстны очень мало, а потому немногочисленныя записи греческихъ и римскихъ писателей очень туманны и сбивчивы; то, что они записали, дошло до нихъ самихъ, какъ можно думать, черезъ третью руку; читая ихъ записи, часто можно только догадываться, что рѣчь идетъ о славянахъ. Первые письменныя свидѣтельства русской лѣтописи о жизни древнихъ славянъ составлены частью по греческимъ записямъ, частью по своимъ народнымъ преданіямъ и легендамъ лишь около конца X вѣка, т. е. много времени спустя послѣ того, какъ славяне обосновались на восточно-европейской равнинѣ.

Кромѣ письменныхъ памятниковъ, о прошлой жизни народа позволяютъ судить вещественные слѣды его быта—то, что онъ строилъ и выработалъ. Разбирая эти видимые остатки, можно судить о степени древности народа, объ его распространеніи по лицу земли, объ его бытѣ, нравахъ, вкусахъ и наклонностяхъ. Древніе люди имѣли обычай хоронить со своими покойниками тѣ вещи домашняго обихода, къ которымъ человекъ привыкъ, когда былъ живъ. Древніе вѣрили, что человекъ и послѣ смерти продолжаетъ жить подъ землею такъ же, какъ жилъ на землѣ. Поэтому, заботясь объ удобствахъ умершаго, они клали съ нимъ въ могилу оружіе, охотничью и рыболовную снасть, сосуды, украшенія, закалывали надъ могилой и клали туда же домашнихъ животныхъ и даже людей—рабовъ и женъ покойнаго. Когда разрываютъ такія могилы, то находятъ въ нихъ болѣе или менѣе сохранившіеся остатки положенныхъ туда предметовъ и по нимъ судятъ, какъ жилъ, чѣмъ занимался народъ, къ которому принадлежалъ покойникъ.

Ничто не сохраняет такъ долго въ человѣческомъ обществѣ свою форму, вѣднѣйшій видъ и качества, какъ предметы домашняго обихода. Если внимательно сравнивать предметы, отрытые въ очень древнихъ могилахъ, съ отрытыми въ могилахъ болѣе новыхъ, уже извѣстно, какому народу принадлежавшихъ, то можно установить болѣе или менѣе достоверно, какому народу принадлежали древнѣйшія могилы: тому ли самому, что и новѣйшія, извѣстныя, или другому. Такимъ-то вотъ путемъ, изслѣдуя могильники тѣхъ странъ, которыя и по сіе время обитаемы славянами, сравнивая при изслѣдованіи древнѣйшіе могильники съ позднѣйшими и принимая въ расчетъ древнѣйшія письменныя извѣстія, ученые установили, что первоначальнымъ населеніемъ славянства въ Европѣ были сѣверо-восточные склоны Карпатскихъ горъ, та часть ихъ, гдѣ берутъ свое начало Днѣстръ, оба Буга, правые притоки верхней Вислы и правые притоки верхней Припяти; отсюда поселки продвигались на средній Днѣпръ, къ Березинѣ и Деснѣ. Здѣсь, въ теперешней Галиціи и Волынской губерніи, славяне обитали еще въ то время, когда имъ не было извѣстно добываніе и употребленіе желѣза, и всѣ свои орудія: топоры, ножи, скребки и т. п., они дѣлали изъ кремня, изъ костей и роговъ животныхъ. Сколько-нибудь устойчивыхъ извѣстій объ этой порѣ жизни славянъ не сохранилось. Можно только сказать, что жизнь ихъ въ то время, навѣрное, ничѣмъ не отличалась отъ жизни народовъ, стоящихъ на такой ступени развитія, которую принято называть „каменнымъ вѣкомъ“.

Долго сохраняются въ жизни народовъ обычаи и обряды, празднества, выраженія общественной и семейной радости и горя, пѣсни, сказанія, сказки, примѣты, пословицы, поговорки. Прислушиваясь къ нимъ, сравнивая разныя описанія обрядовъ въ разное время у одного и того же народа, ученые легко выдѣляютъ древнѣйшія черты отъ позднѣйшихъ, которыя прибавляетъ жизнь, и могутъ болѣе или менѣе отчетливо представить себѣ, какъ жили, во что и какъ вѣрили древніе люди. Сохранившися въ обиходѣ черты древности принято называть пережитками. Часто бываетъ, что такой пережитокъ потерялъ уже давнымъ-давно всякій дѣйствительный смыслъ своего существованія, а между тѣмъ держится среди людей, и всѣ его исполняютъ. Случалось ли, напримѣръ, вамъ обратить вниманіе на тѣ двѣ-три пуговицы, которыя портныя пришиваютъ къ нижней части рукава? Какой въ нихъ толкъ? Ни застегивать ни пристегивать тутъ нечего, да и красоты никакой нѣтъ. Обычай пришивать эти пуговицы унаслѣдованъ отъ тѣхъ временъ, когда обшлага рукавовъ шились съ большими отворотами, которые пристегивались къ рукаву пуговицами. На картинкахъ, изображающихъ людей начала XVIII и конца XVII вѣковъ, можно видѣть костюмы съ такими отворотами у рукавовъ. Давно уже они вывелись изъ моды, а пуговицы все-таки пришиваются!

Исторія начинаетъ ближе знать славянъ около IV вѣка

послѣ Р. X., когда они уже умѣютъ владѣть сдѣланнымъ изъ желѣза оружіемъ. Къ этому времени славяне продвинулись съ Карпатъ на югъ до Дуная, на востокъ до нижняго Днѣпра, жили на Вислѣ и къ сѣверу отъ Карпатъ. Страна, заселенная славянами, лежала на пути тѣхъ азіатскихъ ордъ, которыя въ первые вѣка послѣ Рождества Христова стремительнымъ потокомъ обрушились на европейскія страны. То были: готы, авары, гунны и др. Они вовлекли въ свои ряды и славянскія племена Прикарпатья. Вслѣдъ за ними славяне прознали пути въ богатя владѣнія Византійской имперіи, лежавшія по нижнему Дунаю, въ сосѣдствѣ съ которымъ славянскія племена, спустившись съ Карпатъ, утвердились очень давно и жили очень долго, настолько долго, что лѣтопись наша, напр., не помнитъ настоящей прародины славянъ—Карпатъ, и считаетъ Дунай тѣмъ мѣстомъ, откуда вышли предки восточныхъ славянъ въ обитаемая ими страны.

Придунайскіе славяне постоянно сталкивались съ греками. Первоначально это были хищническіе набѣги дикарей-славянъ на богатя, но слабо защищенныя границы Византійской имперіи. Набѣги эти славянскія племена предпринимали подъ предводительствомъ сильнѣйшаго племени. Такимъ считалось у нихъ около VI вѣка племя дулѣбовъ, кстати и обитавшее ближе другихъ къ византійскимъ владѣніямъ. Въ VI вѣкѣ, во второй его половинѣ, союзъ славянскихъ племенъ подъ верховенствомъ дулѣбовъ былъ разрушенъ нашествіемъ аваровъ, воспоминаніе о которомъ сохранила и наша лѣтопись въ слѣдующей записи: „Си же обрѣ (авары) воеваху на словенѣхъ и примучиша дулѣбы, сушая словѣни, и насилье творяху женамъ дулѣбскимъ: аще поѣхати будяше обрину, не дадаяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи три ли, четыре ли, пять ли женъ въ телѣгу и повезти обрина. Тако мучаху дулѣбы. Быша бо обрѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я: помроша вси, и не остася ни единъ обринъ. Есть притча на Руси и до сего дне: погибоша аки обрѣ“.

Авары погибли, сметенные слѣдовавшей за ними волной варваровъ, но и дулѣбы были такъ обезсилены, что не могли болѣе стоять во главѣ славянскихъ племенъ. Къ этому времени относятся смутныя извѣстія о ссорахъ и раздорахъ славянскихъ племенъ другъ съ другомъ. Каждое племя живетъ съ этого времени какъ бы само по себѣ, и общая связь поддерживается только общими вѣрованіями, обрядами, обычаями и языкомъ.

Набѣги славянъ на греческую имперію, однако, не прекратились и продолжались до первой четверти VII вѣка. Опасности, которымъ подвергалась имперія отъ нападенія славянъ, заставили образованныхъ греческихъ людей ближе присматриваться къ своимъ врагамъ, чтобы узнать, какъ они живутъ и управляются, каковы ихъ обычаи и нравы. Свои наблюденія надъ жизнью славянъ они записывали. Благодаря ихъ записямъ, а также вещественнымъ памятникамъ славянскаго житья-бытья, сохранившимся въ могилахъ, можно составить себѣ нѣкоторое предста-

вление о томъ, какъ жили предки русскаго народа, славяне, около VI вѣка по Р. X. Но эти наблюденія были довольно случайны, а потому отрывочны и неполны.

По неяснымъ и скуднымъ извѣстиямъ византійцевъ, славяне управлялись многочисленными царьками, или филархами, т.-е. племенными князьями и родовыми старѣйшинами, и имѣли обычай собираться на совѣщанія объ общихъ дѣлахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ византійскіе писатели указываютъ на недостатокъ согласія и частыя усобицы среди славянъ. Эти извѣстія относятся къ VI и VII вв. по Р. X. Неизвѣстно, что это были за князья и княженія, какъ и въ чемъ выражалась власть князя въ племени, какъ относились къ его власти люди, составлявшіе племя. Вѣроятно же всего, что это были мелкіе родовые князьки, выбранные отдѣльными родами, или союзами большихъ семей, чтобы вести порядокъ въ племени, предводительствовать на войнѣ и на большой охотѣ, держать третейскій судъ и приносить торжественныя жертвы богамъ.

Описывая жизнь славянъ, греческіе писатели всегда отмѣчаютъ, что славяне „часто переселяются“. Причинъ тому было много: увеличивалось количество народа, такъ что жить и кормиться въ Прикарпатской сторонѣ становилось трудно; слишкомъ участились набѣги дикихъ племенъ, дѣлавшихъ жизнь здѣсь опасной и тревожной. Особенно должно было подѣйствовать на славянъ въ этомъ смыслѣ аварское нашествіе. Современникъ-византїецъ рассказываетъ, что послѣ нашествія аваровъ славяне раздѣлились на отдѣльныя племена. Наконецъ, собственная страсть славянъ къ набѣгамъ приучала ихъ все меньше дорожить родиной и все больше влекла на чужбину. А изъ Прикарпатскаго края, благодаря вытекающимъ отсюда во все четыре стороны свѣта рѣкамъ и рѣчкамъ, открывался широкій и свободный путь на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ.

Ушедшія къ западу племена славянъ поселились въ нынѣшней Чехіи и отсюда вверхъ по рр. Савѣ, Дравѣ и Моравѣ проникли далеко на западъ. Отъ этихъ славянъ произошли нынѣшніе чехи, моравы, словаки, хорутане и другія племена западныхъ славянъ. Ушедшіе на Вислу и тамъ поселившіеся славяне сдѣлались родоначальниками нынѣшнихъ поляковъ. Двинувшіяся на сѣверъ отъ Карпатъ племена сѣли, главнымъ образомъ, по рѣкѣ Эльбѣ, которая тогда называлась Лабой; отсюда и сами они получили названіе полабскихъ славянъ. Часть ихъ ушла еще далѣе на сѣверъ и заселила южное побережье Балтійскаго моря—сѣверо-восточную часть нынѣшней Пруссіи. Эти племена прозвались поморянами. Обѣ эти вѣтви славянства, полабскіе славяне и поморяне, столкнувшись здѣсь съ нѣмцами и послѣ долгой борьбы съ ними не устояли, подчинились нѣмцамъ и мало-по-малу путемъ браковъ и насильственнаго подчиненія слѣлись съ нѣмцами, образовавъ съ ними одинъ народъ—прусскій.

Спустившіяся къ югу отъ Карпатъ славянскія племена

проникли за Дунай и заселили почти весь Балканскій полуостровъ. Отъ этихъ племенъ произошли нынѣшніе сербы, болгары, черногорцы, босняки и герцеговинцы. Немало славянской крови влилось путемъ браковъ и въ жилы нынѣшнихъ грековъ.

Отошедшая на сѣверо-востокъ отъ Карпатъ вѣтвь славянства по Припяти достигла Днѣпра и, разселяясь по этой могучей рѣкѣ и ея притокамъ, столкнулась и смѣшалась съ другой вѣтвью славянства, проникшей на Днѣпръ съ юга, отъ Дуная. Здѣсь славяне осѣли сначала по нижнему и среднему теченію Днѣпра, занявъ западный его берегъ, затѣмъ они овладѣли и верховьями его. Часть ихъ перебралась и на восточную сторону рѣки и достигла, постепенно распространяясь, до Оки и Средней Волги; другіе же двинулись по Западной Двинѣ и, идя далѣе къ сѣверу, за Западную Двину, добрались до Ильменя-озера, до Ладоги и Невы.

Восточные славяне раздѣлялись на нѣсколько племенъ. То были: *поляне*, обитавшіе по среднему Днѣпру, около нынѣшняго Кіева; *древляне*, жившіе по Припяти; *дреговичи*—по Березинѣ; *полочане*—по Западной Двинѣ; *сьверяне*—по Деснѣ; *радимичи*—по Сожу; *вятичи*—по Окѣ и Угрѣ; *кривичи*—между Западной Двиной и верхнимъ Днѣпромъ; часть ихъ проникла на Ильмень-озеро и получила названіе *ильменскихъ славянъ*; *тиверцы* и *уличи* жили по южному Днѣпру и Днѣстру; *дулѣбы* и *волыняне*—по Бугу.

Эти-то вотъ племена, разселяясь постепенно все далѣе на востокъ и сѣверъ, заняли всю сѣверо-восточную половину Европы и создали русское государство.

Каждое племя восточныхъ славянъ состояло изъ соединенія многихъ родовыхъ и семейныхъ союзовъ. Выражался этотъ союзъ тѣмъ, что старѣйшины, или князьки отдѣльныхъ родовъ, собирались вмѣстѣ на сходки, на которыхъ обдумывали и рѣшали дѣла всего племени, затѣвали и обсуждали различныя военныя предпріятія или охоты сообща.

Жили славяне отдѣльными поселками—небольшими одиночными и семейными, или большими—родовыми.

Объ этомъ знаетъ и наша лѣтопись. Тамъ читаемъ, что славяне „живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще родомъ своимъ“. Жить родомъ значило то, что всѣ люди, происходившіе по родству отъ одного родоначальника, жили вмѣстѣ, вмѣстѣ работали, все имѣли общее и работали—пахали землю или охотились—сообща.

Во главѣ рода стоялъ родоначальникъ, старѣйшина, которымъ всегда бывалъ самый старѣйшій по лѣтамъ изъ всѣхъ родичей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда трудно было рѣшить, кто старѣйшій по лѣтамъ, старѣйшину выбирали изъ взрослыхъ и почтенныхъ по годамъ и жизни родичей. Родовой старѣйшина наблюдалъ за сохраненіемъ мира и порядка въ родѣ, былъ судьей въ мирное время и предводителемъ на войнѣ.

Итакъ, слѣдовательно, родомъ называлось собраніе родствен-

ныхъ по происхожденію семей, жившихъ подъ управой старѣйшаго родича—родоначальника, родового старѣйшины.

Въ семейной жизни славянъ господствовало единобрачіе. Многоженство, хотя и встрѣчалось, было въ общемъ рѣдко. Браки у разныхъ славянскихъ племенъ заключались не одинаково. Въ то время, какъ одни, по словамъ лѣтописи, „умыкаю у воды дѣвица“, другія же „схожахуся межю селы на игрища и ту умыкаю жены собѣ, съ нею же кто съвѣщапешя“, у третьихъ „женихъ по невѣстѣ не хожаше, но привожаху (ему невѣсту) вечерь, а заутра приношаху по ней, что владуче“, т.-е. у этого племени славянъ женихъ покупалъ себѣ невѣсту, давая за нее ея родичамъ, терявшимъ работницу, выкупъ—вѣно.

Брачные обычаи, особенно умыканіе, т.-е. воровство дѣвицы, вносили немало разлада во взаимныя отношенія родовъ. Каждый родъ берегъ своихъ дѣвушекъ, какъ работницъ. Умычка работницы приносила убытокъ роду, и родъ искалъ возмѣстить свой убытокъ съ похитителя, требовалъ вознагражденія съ украдшаго и его родичей и въ случаѣ отказа брался за оружіе. Обыкновенно похититель соглашался заплатить выкупъ, и тогда все улаживалось мирно. Иногда женихъ заранѣе уговаривался съ родителями невѣсты о платѣ за нее, и тогда умычка была только исполненіемъ стараго обычая, если только считали нужнымъ его соблюсти. Невѣсту, по выплатѣ вѣна, передавали жениху съ рукъ на руки. До сихъ поръ въ народныхъ свадебныхъ обычаяхъ сохранились отголоски тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда бракъ являлся куплей-продажей невѣсты. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи соблюдается слѣдующій обычай: подлѣ невѣсты передъ приходомъ жениха садится братъ ея или другой родственникъ. Дружка спрашиваетъ его: „Зачѣмъ сидишь здѣсь?“—„Я берегу свою сестру“,—отвѣчаетъ тотъ. „Она уже не твоя, а наша!“—возражаетъ дружка. „А если она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормъ. Я одѣвалъ ее, поилъ, кормилъ“.—„Сколько же она тебѣ стоила?“—спрашиваетъ дружка. Сидящій возлѣ невѣсты начинаетъ перечислять, что онъ истратилъ на ея прокормъ. Дружка, выслушавъ, даетъ ему монету, но тотъ говоритъ: „Мало!“. Дружка даетъ еще, и такъ до трехъ разъ. Потомъ сидящій встаетъ, и на его мѣсто садится женихъ.

Если обиженному роду, у котораго чужаки похищали женщину, они отказывались уплатить ея рабочую стоимость, то начиналась вражда родовъ. Проливалась кровь. А такъ какъ у славянъ было въ обычаѣ мстить за убійство, причемъ обязанность эта переходила отъ одного родича къ другому и каждое новое убійство вызывало и новыхъ мстителей, то понятно, что происходило: члены отдѣльныхъ родовъ рѣзались насмерть, подстерегали и убивали другъ друга, и это длилось иногда до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ родовъ-соперниковъ не бывалъ вырѣзанъ дочиства, до послѣдняго человѣка. Родовая месть возбуждалась и по всякому другому поводу—нечаянное убійство, ссора, кража, словомъ,

всякое столкновение грозило разрваться этимъ страшнымъ обычаемъ. Умгчка невѣсть и обычай родовой мести поселяли и поддерживали большую рознь между отдѣльными родами. Византійцы, наблюдавшіе этотъ чуждый имъ строй жизни, утверждаютъ, что славяне не умѣли жить въ мирномъ согласіи и „между ними господствовали постоянно различныя мнѣнія; ни въ чемъ они не были между собой согласны; если одни въ чемъ-нибудь соглашались, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что всѣ питаютъ другъ къ другу вражду и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому“.

По мѣрѣ того, какъ разрасталось количество членовъ отдѣльныхъ родовъ и увеличивалось родовое имущество, родовыя связи слабѣли. Старому, дряхлому родоначальнику становилось не подъ силу управлять сильно разросшимся родомъ. Все труднѣе и труднѣе становилось и родичамъ рѣшать, кто изъ нихъ старше. Стали часты случаи, когда племянникъ по годамъ оказывался много старше своего дяди, или слишкомъ дряхлый старѣйшій родичъ явно не годился быть главой рода. Первое время въ такихъ разросшихся родахъ стали допускать, чтобы старѣйшина избиралъ себѣ преемника при жизни и правилъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ бы узаконя такимъ путемъ его власть послѣ своей смерти. Но случалось, что родоначальникъ умиралъ неожиданно, внезапно, бывалъ, на примѣръ, убитъ на войнѣ и не успѣвалъ назначить себѣ преемника. Тогда родичамъ разросшагося рода приходилось самимъ избирать себѣ родовладыку.

Распаденію родового быта больше всего способствовала необходимость переселенія подъ напоромъ враговъ. Уже на Поднѣпровьѣ племена славянъ должны были прійти съ нарушеннымъ строемъ родовой жизни. Передвигаясь подъ натискомъ аваровъ съ Карпаты и Дуная на Днѣпръ, они, вѣроятно, въ очень рѣдкихъ случаяхъ доходили сюда цѣлыми родовыми группами. А если доходили, то въ новомъ краю, глухомъ и лѣсистомъ, находили крайне неблагоприятныя условія для жизни цѣлыми родами. Большому роду трудно было найти здѣсь мѣсто, на которомъ онъ могъ бы сразу поселиться всей кучей достаточно тѣсно, чтобы не рисковать разставить отдѣльныя семьи слишкомъ далеко одна отъ другой и уже этимъ однимъ ослабить родственную связь. Отдѣльнымъ семьямъ невольно приходилось здѣсь отбиваться отъ рода въ поискахъ удобнаго мѣстожителства; самое переселеніе не было свободной перекочевкой не спѣша, заранѣе обдуманной и налаженной: люди бѣжали, спасая свою жизнь отъ свирѣпыхъ аваровъ,—тутъ было не до сохраненія родовой связи. Отдѣльныя семьи иногда очень далеко отбивались отъ рода, и тогда власть старѣйшины рода, такъ сказать, не достигала ихъ. У такой отдѣлившейся семьи появлялось и свое отдѣльное имущество, такъ какъ работать, добывать себѣ пропитаніе ей приходилось одной и только на себя, на свой страхъ и рискъ и своими только средствами.

Но одной семьѣ было трудно бороться за свое существованіе въ той суровой и новой обстановкѣ, какую создавали для жизни естественныя условія Поднѣпровья. Подъ давленіемъ нужды отдѣльнымъ семьямъ и лицамъ различныхъ родовъ, случайно основавшимся на новыхъ мѣстахъ близко другъ отъ друга, пришлось соединиться для совмѣстной работы и для самозащиты. Такіе союзы семей, связанные не столько родствомъ и происхожденіемъ отъ одного родоначальника, сколько взаимной выгодой и сотрудничествомъ, скоро стали господствующей формой общегитія у восточныхъ славянъ. У черногорцевъ и герцеговинцевъ можно еще теперь наблюдать существованіе такихъ союзовъ-семей, которые называются у нихъ „задруги“, „велики кучи“, „заедины“.

Основные задруги были, вѣроятно, очень немногочисленны, заключаая въ себѣ человѣкъ 20 или 25 взрослыхъ мужчинъ-работниковъ, не считая стариковъ, женщинъ и дѣтей; бывали, конечно, задруги и болѣе обширныя, заключавшія однихъ взрослыхъ мужчинъ до 50 и болѣе человѣкъ.

Но вотъ большая семья еще разрастается. Рождаются и вырастаютъ младшіе, принимаются или „присусѣдываются“ новые насельники. Такъ какъ почти всегда родится и выживаетъ людей больше, чѣмъ умираетъ, то количество взрослыхъ въ большой семьѣ и въ группахъ отдѣльныхъ семей, живущихъ вмѣстѣ, все увеличивается.

Становится тѣсно и работать, т.-е. охотиться и обрабатывать землю. Въ тѣ времена землю подъ пашню подготавливали тѣмъ, что выжигали роспій на ней лѣсъ. Удобренная золой земля давала богатый урожай лѣтъ пять-шесть подъ-рядъ, а потомъ истощалась, и тогда приходилось выжигать новый лѣсной участокъ; земли для такого способа веденія хозяйства требовалось очень много, и потому не мудрено, что семьи рода стремились селиться какъ можно рѣже. Охота и бортничество, самые распространенные тогда промыслы, требовали тоже большихъ пространствъ земли на каждую семью.

По вычисленіямъ и наблюденіямъ одного ученаго, пока люди занимаются только охотой, которою живутъ и кормятся, каждому охотнику, чтобы просуществовать и прокормиться, нуженъ огромный просторъ; у охотниковъ-эскимосовъ, на примѣръ, на каждые сто кв. километровъ (1 кв. километръ—0,878 кв. версты) приходится всего только два человѣка населенія; даже въ неизмѣримо болѣе богатой всѣми естественными благами, нежели родина эскимосовъ, Амазонской провинціи Бразиліи на томъ же пространствѣ живетъ 3 человѣка охотниковъ. Когда люди занимаются скотоводствомъ, то та же площадь земли можетъ прокормить попрежнему немного людей; такъ, въ Киргизскихъ степяхъ на 1 кв. километръ приходится по 1 жителю, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Туркестана одинъ житель приходится на 2 кв. километра. Когда люди занимаются земледѣліемъ, то могутъ жить значительно гуще: тогда на одномъ кв. километрѣ могутъ жить до 40 человѣкъ.